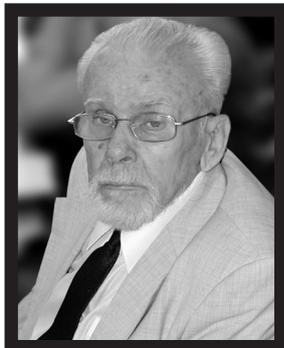

Е. Л. Конявская

ПАМЯТИ С. Н. АЗБЕЛЕВА
(17.04.1926–25.12.2017)

25 декабря 2017 г. не стало Сергея Николаевича Азбелева. В этом году ему исполнилось бы 92.

Последние годы его мучили болезни, но буквально до последних дней он трудился над научной проблемой, которую разрабатывал в течение многих лет. За две недели до кончины он прислал в редакцию окончательный вариант своей статьи о значении Куликовской битвы.

Куликовский цикл, в первую очередь, летописные повествования о битве с Мамаем — одна из центральных тем его научного творчества, к которой он подходил с разных сторон: это текстологические разыскания, анализ состава войск, локализация битвы и многое другое. И все его работы отличались привлечением нового материала и новым взглядом.

Он не был ученым одной темы. Вклад Сергея Николаевича в изучение былин, исторических песен, новгородского летописания, устной истории Великого Новгорода трудно переоценить. Его труды «Новгородские летописи XVII века» (Новгород, 1960), «Историзм былин и специфика фольклора» (Л., 1982), «Летописание Великого Новгорода» (СПб., 2016) — это классика, с них и впредь будут начинать изучение этих проблем.

Не менее значимы его издания с серьезным научным комментарием памятников фольклора (Былины / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, примечания, словарь С. Н. Азбелева. Л., 1984; Исторические песни. Баллады. / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, комментарии, указатель, словарь С. Н. Азбелева. М., 1991; Народная проза / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии, словарь С. Н. Азбелева. М., 1992; Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Составление, вступительная статья, комментарии С. Н. Азбелева. М., 1999; Исторические песни / Составление, вступительная статья, комментарии С. Н. Азбелева. М., 2001; Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Вступительная статья, разыскание и подготовка текстов, комментарии, приложения, указатели С. Н. Азбелева. СПб., 2002; Российская история в зеркале русской поэзии: Россия Романовых в исторических песнях / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, преамбулы, комментарии: доктор филологических наук С. Н. Азбелев. М., 2013).

Сергей Николаевич Азбелев много сделал в области историографии, изучения истории российской фольклористики. Он подготовил современные издания трудов Ф. И. Буслаева (*Буслав Ф. И. Народный эпос и мифология / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии, библиография С. Н. Азбелева. М., 2003*), В. Ф. Миллера (*Миллер В. Ф. Народный эпос и история / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии С. Н. Азбелева. М., 2005*); опубликовал статьи о Н. И. Кравцове, А. Н. Веселовском и др.

Сергей Николаевич был страстно увлечен наукой и обладал всеми качествами, необходимыми ученому, посвятившему себя изучению русской древности: острым умом, глубокими знаниями в области истории и филологии, способностью видеть целое и улавливать важное в деталях.

В нашем журнале он опубликовал 22 статьи, был участником всех 9 конференций «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (на 8-ю и 9-ю представлял стендовые доклады).

С. Н. Азбелев был яркой личностью, неудобной для тех, кто ценит компромиссы. Именно благодаря твердости позиции он смог противостоять препятствиям, с которыми не раз сталкивался в своем научном подвизании, и был одним из немногих, кто однозначно поддержал А. А. Зимина при обсуждении его работы о «Слове о полку Игореве».

Он достойно жил и достойно ушел из жизни, Сергей Николаевич Азбелев, доктор филологических наук, профессор, ветеран Отечественной войны, член Российского Дворянского Собрания.

Да упокоит Господь его душу.

С. Н. Азбелев

ЧТО УГРОЖАЛО РУССКОМУ НАРОДУ В 1380 г.

«Летописцы говорят, — писал в своей многотомной «Истории России» С. М. Соловьев, — что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. Побоища подобного рода происходили и в западной ее половине в начале так называемых средних веков, во время великого переселения народов, во время страшных столкновений между европейскими и азиатскими ополчениями: таково было побоище Каталонское, где полководец римский спас Западную Европу от гуннов; таково было побоище Турское, где вождь франкский спас Западную Европу от аравитян... Куликовская победа, — продолжал С. М. Соловьев, — ...имеет в истории Восточной Европы точно такое же значение, какие победы Каталонская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос — которой из этих частей света восторжествовать над другою?»

Таково, — заключал С. М. Соловьев, — всемирно-историческое значение Куликовской битвы; собственно, в русской истории она служила освящением новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на северо-востоке» [Соловьев, с. 325].

Нынешние наши историки с готовностью принимают вторую часть этого заключения, отвлекаясь обычно от первой — как бы устаревшей — его части. Впрочем, устаревание тезиса о противостоянии Востока и Запада выглядит всё более относительным. Но речь пойдет не о современности, а о XIV столетии.

С. М. Соловьев сражение 1380 г. на Куликовом поле ставил в один ряд с битвой 451 г. на Каталаунских полях и с битвой 732 г. при Пуатье, с победами, которые спасали Запад Европы от покорения гуннами и от завоевания аравитянами. Насколько были оправданы эти впечатляющие параллели?

Существенно, что в отличие от многих позднейших авторов С. М. Соловьев с подобающим вниманием относился ко всему, что сообщалось летописцами не только о самом сражении 1380 г., но и о важнейших обстоятельствах, ему предшествовавших.

Разгромленный на Куликовом поле старший современник московского великого князя Дмитрия Ивановича беклярибек Мамай получил эту высшую должность в 1357 г. (Дмитрию тогда было только семь лет). Затем более двух десятилетий Мамай являлся фактическим правителем в Орде. Но он не принадлежал к прямым потомкам Чингисхана и не имел вследствие этого возможности законно стать ханом Орды. Обладая реальной властью, Мамай манипулировал безвластными Чингизидами¹. Однако его «бонапартистские» склонности, очевидно, потребовали гораздо большего. И десятилетия своего всевластия беклярибек использовал целеустремленно. Согласно заключению нынешнего историка Орды, «поход на Москву, в успехе которого Мамай не сомневался, ибо успел провести мощную военную и дипломатическую подготовку, сулил многое. Победа над московским князем укрепляла авторитет беклярибека в Орде, давая ему моральное право на присвоение желанного ханского титула» [Егоров, 2005, с. 24]. Широкая организация завоевательного похода требовала немалых денежных средств. Но долгое взимание дани от русских земель давало возможность их накопить.

Дипломатическая подготовка позволила Мамаю рассчитывать на участие в войне давних противников Москвы — в обмен на его обещания поделиться с ними территориями, захваченными после победы. Беклярибек вступил в военное соглашение с Ягайло, великим князем Литвы, и заручился обещанием военной поддержки от Олега, великого князя Рязани.

Во владениях самого Мамаю было девять улусов, каждый мог выставить десять тысяч воинов [Селезнев, с. 298]. Но его войско, с которым предстояло сразиться русским, очевидно, формировалось в основном не из этих людей. Сборный характер многочисленной армии, приведенной беклярибеком на Куликово поле, явствует из сообщений в летописях. Нет причин не доверять летописцам, ибо они, конечно, основывались на информации, получаемой от находившихся в Орде русских людей.

¹ См. об этом: [Горский, 2001, с. 89].

Согласно Никоновской летописи Мамай осуществил беспрецедентное привлечение щедро оплачиваемых добровольцев: беклярибек «нача всѣхъ своихъ ласкати и дары многи дааше, дабы съ нимъ поддательни и готови были Русь воевати, паче же великого князя Дмитрея Ивановича Московьскаго. И снидошася къ нему отъ многихъ странъ татарове на ласkanie его и даяние. Онъ же дааше обилно всѣмъ». Не ограничиваясь использованием соплеменников, Мамай озаботился привлечением ряда контингентов разноязычных воинов-профессионалов: «посла во многа страны, наймаа фрязы, черкасы, ясы и инья къ симъ»². В летописях же XV в. говорилось кратко, что Мамай «прииде» на Русскую землю «съ единомысленики своими» и «съ всѣми прочими князми ордынскими, и съ всею силою татарскою и половецкою»; но был сообщен при этом более полный перечень наемников иноплеменных: «бессермены, и армены, и фрязы, черкасы, и ясы, и буртасы»³.

Поверхностным или выборочным обращением к летописям приходится объяснять мнения тех историков, которые считали целью масштабного похода Мамаея принуждение Москвы к согласию на увеличение размера дани. Такое требование перед Куликовской битвой Мамаем действительно выдвигалось. Оно было отвергнуто Дмитрием Московским, который подтвердил согласие только на дань уменьшенную, какую он ранее обещал. Однако этот «обмен нотами», отображенный в летописях⁴, являлся всего лишь дипломатической подготовкой к решающему сражению уже начавшейся тогда войны.

О реальных целях беклярибека летописи сообщали вполне определенно. Даже сокращенный рассказ о Куликовской битве в Рогожском летописце и в Симеоновской летописи фиксировал не стремление Мамаея увеличить дань, а его желание «плѣнити землю Русскую»⁵. Полный текст Летописной повести раскрывал его намерения гораздо яснее: «Мамаи разгордѣвся, мнѣв себѣ аки царя, и начал совѣтъ сотворити, тѣмныя своя князи поганья звати, рече имъ: “Поидемъ на руского князя и на всю землю Рускую, якоже при Батьи цари было; хрестиянство потеряемъ, а церкви Божия попалим огнем, а кровь их пролиемъ, а закон их погубим”». По заключению же самого летописца, Мамай «подвижеса съ силою многою, хотя пленити хрестиянство»⁶.

Квалифицированное обобщение присутствует в Новгородской четвертой и в Софийской первой летописях, передающих Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в. Здесь под 1389 г. дано жизнеописание скончавшегося тогда великого князя Дмитрия Ивановича, победителя Мамаея. Как сообщается в этом тексте, «рече Мамаи княземъ и рядцемъ своимъ: “преиму землю Рускую, и церкви хрестияньския разорю и вѣру ихъ на свою переложю, и велю им поклонятися своему Махмету; идеже церкви были, туто ропаты [мечети] поставлю, и баскаки посажу по всѣмъ городомъ руским, а князи рускыя избию”»⁷.

Замысел Мамаея, декларированный им перед походом, предусматривал не политическое подчинение, а насильственную исламизацию русских людей и включение населенных ими территорий непосредственно в состав Орды.

Как писала позднее Никоновская летопись, «бѣ воинства его много зело, и не к тому уже нарицашеса великий князь Мамай, но от всѣхъ сущихъ его нарицашеса великий царь Мамай»⁸. Показательно, что в летописных сведениях о ставке Мамаея на Куликовом поле нет упоминаний о присутствии в ней даже фиктивного хана Чингизида. Как писал в этой связи современный исследователь истории Орды В. Л. Егоров, «не исключено», что в 1380 г., предприняв грандиозный поход на Русь, «Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше подставными ханами» [Егоров, 1980, с. 208]. Он же впоследствии называл «крайне важным» процитированное здесь мною сообщение Никоновской летописи «о перемене официального титула Мамаея» [Егоров, 2005, с. 24].

² ПСРЛ. М., 2000. Т. 11. Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновской летописью. С. 47.

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. С. 311; аналогично: ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. С. 455; см. также: ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С. 131; и др.

⁴ См., например: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 314; Т. 6. Вып. 1. С. 458–459; Т. 11. С. 50.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Рогожский летописец. С. 139; М., 2007. Т. 18. Симеоновская летопись. С. 129.

⁶ ПСРЛ. Т. 43. С. 131.

⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 353; аналогично: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 493–494.

⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 47.

Правда, летописцы XV столетия иронизировали по этому поводу, аттестуя беклярибека как «поганого царя Теляка нареченаго плотнаго дьявола Мамаа»⁹ с использованием его оскорбительного прозвища, означавшего «заика» или «бормотун» [Егоров, 1980, с. 208–209]. Однако «бонапартистские» устремления самого беклярибека были вполне серьезны. Они совмещали личные его претензии на ханский титул в Орде с его «государственными» претензиями на принудительное включение в ее состав исламизируемых русских территорий. Осуществить это Мамай рассчитывал, используя, по-видимому, не столько «своих» ордынцев (разбитых русскими в 1378 г. в сражении на реке Воже), сколько контингенты профессионалов-наемников, щедро оплачиваемых добровольцев и обещавших ему поддержку союзников.

Угроза насильственного обращения в ислам — через четыре столетия после крещения Руси князем Владимиром Святым — стала мощнейшим стимулом, сплотившим население всех русских княжеств, отправивших свои войска на сражение с разноплеменной армией Мамаю.

Конечно, воспоминания об истреблении ордынцами сотен тысяч русских людей, разрушении городов и осквернении храмов при нашествии Батыею не потускнели за полтора столетия. Однако после подчинения Руси татарам сама православная вера притеснениям не подвергалась. Этому не повредило даже признание ханом Узбеком ислама в качестве официальной религии в Орде. Там со времен Александра Невского продолжала существовать православная епископия, окормлявшая ордынских христиан.

С итогом сражения на Куликовом поле ситуации предстояло измениться принципиально. Как сообщала дошедшая в нескольких редакциях и во многих рукописях «Повѣсть о побоищи Мамаевым с князем Дмитрием Ивановичем Володимерским», всемогущий беклярибек, «ратуя на християны», решил радикальным образом довершить начатое Батыею. Обратившись к «своим еупатом, князем и воеводам», Мамай выразил это вполне определенно: «Не хошу аз тако творити, како Батий», рка: «Егда же убо доидем Руси, убию князя их и изберу, котории города красныи довлеют нам, и ту придем и ту сядем вѣдати, тихо и безмятежно поживем»¹⁰. Беклярибек намеревался вознаградить и своих наемников: «Иные же мнозѣ орды совокупи к себѣ и глагола им: “Како обогатѣм русским златом!”». Очевидно, планировалась Мамаем и долговременная оккупация Русской земли: «Доиде же устия рекѣ Воронежи, роспустив облаву свою и заповѣдав им всѣм улусником своим, яко “ни един пахий хлѣба и будѣта готовы на руския хлѣбы!”»¹¹.

Как писал недавно А. А. Горский, «Противостояние Московского великого Княжества с Мамаевой ордой завершилось крахом последней. Дмитрий Донской не позволил Мамаю восстановить власть над русскими землями» [Горский, 2004, с. 266]. Мамаево нашествие представляло собой смертельную угрозу для самого существования православного народа Русской земли. В отличие от части нынешних историков это хорошо понимали современники тогдашних событий.

Четыре с лишним века спустя после вторжения войск Мамаю русские люди ощутили такой же масштаб нависающей угрозы при вторжении разноязычной армии Наполеона. Соответственным было и восприятие обоих этих бедствий во всенародном сознании, а не только в представлениях правителей Русского государства. В данном отношении 1812-й год оказался аналогичен 1380-му. Народное единство, сцементированное православием, в то время было сильнее любых сословных или региональных противоречий.

Сохранившиеся летописи XV и XVI в. отображали это многократно, пересказывая вдохновенные слова возглавлявшего русскую армию московского князя Дмитрия Ивановича, обращенные к будущим участникам судьбоносного сражения.

Перед выступлением их из Москвы, выйдя из храма после молитвы, «рече князь великий ко брату своему князю Володимеру Ондрѣевичю и ко всемъ князем рускимъ и воеводамъ: “Поидемъ противу окояннаго сего, и безбожнаго, и нечестиваго, и тѣмного сыроядца Мамаю, за православную вѣру християнскую и за святыя церкви, и за вся младенца и старца, и за вся християны суцая”»¹².

⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 319; ср.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 464.

¹⁰ Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 226.

¹¹ Там же. С. 227.

¹² ПСРЛ. Т. 43. С. 132; аналогично: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 313; Т. 6. Вып. 1. С. 457; и др.

По сведениям летописца-современника, готовясь переправить свою армию через Дон, Дмитрий Иванович обратился к русскому войску с напоминанием о намерениях Мамаю: «приходяще аки и змии ко гнезду», он «на хрестиянство дерзнул, а кровь им хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святыя божьи церкви разорити»¹³. Никоновская летопись разворачивает повествование: решившись на форсирование Дона и отрезая этим путь отступления, Дмитрий Иванович «мужественно рече ко всѣмъ: “братиа, лучши есть честна смерть злаго живота; лутчи было не ити противу безбожныхъ сихъ, неже, пришедъ и ничто же сотворив, возвратитися вспять; преидемъ убо нынѣ въ сий день за Донъ вси и тамо положимъ главы своя за святыя церкви и за православную вѣру и за братью нашу, за хрестиянство!”»¹⁴. Составитель Никоновской летописи вложил в его уста еще одну речь с призывом: «возлюбленнии отцы и братиа, Господа ради и пречистыя Богородицы и своего ради спасения подвизайтесь за православную вѣру и за братию нашу! Вси бо есмы от мала и до велика братиа едина, внуци Адамля, родъ и племя едино, едино крещение, едина вѣра хрестиянскаа, единаго Бога имѣемъ Господа нашего Иуса Христа, въ Троицѣ славимаго; умремъ въ сий часъ за имя Его святое, и за православную вѣру и за святыя церкви, и за братию нашу за все православное хрестиянство!»¹⁵.

Разумеется, нельзя считать, что летописцы XV и XVI столетий точно воспроизвели такие речи, произносившиеся предводителем русского войска в 1380 г. Однако важна не столько текстуальная передача сказанных им слов, сколько передача выраженной в них общей решимости.

Показательно, что рукописи Задонщины и Повести о Мамаевом побоище, исчисляя сотни русских бояр, погибших на Куликовом поле, называют даже рязанцев¹⁶ и тверичей¹⁷, хотя сами князья, владевшие этими землями, уклонились от выступления на стороне Москвы. Стоит отметить, что рязанцу Софонию принадлежало поэтическое прославление военачальников-москвичей: «князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Одрѣевича, зане же ихъ было мужество и желание за землю Русьскуюю и за вѣру хрестиянскую»¹⁸.

Православные князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи — родные братья союзного с Мамаем литовского великого князя Ягайла — на Куликовом поле выступили против несущей ислам разноплеменной армии Мамаю вместе с православными своими боярами Полоцка, Брянска и Трубчевска, тогда еще находившихся во владениях Литвы. Рукописи называли этих бояр «панам литовскими», а бояр суверенного в то время от Москвы Великого Новгорода — «новгородскими посадниками»¹⁹. Переписчиков заботило не соблюдение точности в указаниях должностей, а утверждение солидарности православных людей, которые отправились сражаться за христианскую веру вне зависимости от существовавших в то время политических границ.

В рукописях Задонщины и Повести о Мамаевом побоище присутствуют сведения о числе павших на Куликовом поле воевод от каждого из почти двух десятков православных княжеств Восточной Европы, которые послали своих воинов на битву против армии Мамаю²⁰. Не всегда совпадающие в деталях, эти перечни впечатляют общим количеством. Шестьсот или семьсот погибших в сражении князей и бояр предводительствовали сотнями тысяч участвовавших в этой битве русских людей²¹.

Победа 1380 г., одержанная на Куликовом поле, — финал всенародного противостояния Мамаеву нашему. Это был разгром завоевательного похода претендовавшего на ханский титул в Орде беклярибека с разноплеменными его наемниками и щедро им проплаченными добровольцами.

В 1382 г. обманное взятие неприступной тогда Москвы Чингизидом Тохтамышем — вслед за скрытным подходом к ней ханского войска после обескровившей Русь Куликовской битвы — вернуло даннические отношения, существовавшие ранее.

¹³ ПСРЛ. Т. 43. С. 133; аналогично: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 317; Т. 6. Вып. 1. С. 462; и др.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ Памятники Куликовского цикла. С. 119, 131.

¹⁷ Там же. С. 186, 292.

¹⁸ Там же. С. 89.

¹⁹ Там же. С. 119 и др.

²⁰ См., например: Там же. С. 119, 131–132, 186, 249, 291–292, 334–335, 365.

²¹ О реальных масштабах Куликовской битвы говорилось в серии моих статей, напечатанных преимущественно в 2012–2017 г. в журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». См. суммирующее обобщение и библиографию: [Азбелев].

Однако теперь, как отмечал С. М. Соловьев, хан добивается успеха «только напавши врасплох на московского князя», причем «боится встретить его войско в чистом поле» [Соловьев, с. 327; ср. там же: с. 329]. Естественно, что этот успех Тохтамыш ни в малейшей степени не обеспечивал реализации планов беклярибека обратить население Русской земли в ислам. Ничего похожего не осуществилось и в отношении намерения Мамай истребить русских князей, заменив их баскаками, и даже включить русские территории в состав Орды, поселив на них ордынских завоевателей.

Но подобное практиковалось монголами в части завоеванных ими стран. Таким образом, Мамай в своих планах отнюдь не фантазировал, а собирался «творчески» использовать опыт известных ему предшественников. Об этом свидетельствовала наша летопись, рассказывая, что беклярибек, который «хотяше второй царь Батый быти и всю землю Русскую пленити», выводил «отъ старыхъ историй», какова была практика осуществления владычества монголов во времена Батые²².

По реальным последствиям для христиан Восточной Европы результат победы Мамай как раз соответствовал бы приблизительно тому, что угрожало христианам Европы Западной при условии победы в 451 г. агрессивных язычников гуннов или победы в 732 г. не менее в то время агрессивных мусульман-арабов. И думается, всемирно-историческое значение этого события довольно верно определял уже полтора столетия назад Сергей Михайлович Соловьев в его знаменитой «Истории России».

Литература

- Азбелев С. Н. Великая победа на Куликовом поле // Русское поле: Научно-публицистический альманах. Красноярск – Stockholm, 2016. № 9–10. С. 51–84.
- Горский А. А. Москва и Орда. М., 2001.
- Горский А. А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
- Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 174–213.
- Егоров В. Л. Русь и Орда в эпоху Куликовской битвы // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. (Труды ГИМ. Вып. 150.) С. 7–30.
- Селезнев Ю. В. Стратегия и тактика Мамай: К вопросу о численности ордынских войск и маршруте следования к Куликову полю // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Труды научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 296–299.
- Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 2: Т. 3–4. М., 1993.

²² ПСРЛ. Т. 11. С. 46–47.